

УДК 811.511.13'36

doi 10.17072/2073-6681-2025-2-69-77

<https://elibrary.ru/enrdro>

EDN ENRDRO

Морфология личных местоимений удмуртского языка в грамматике М. А. Мышкина

Пантиухина Татьяна Владимировна

соисполнитель кафедры общего и финно-угорского языкознания

Удмуртский государственный университет

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1. tatyana@udvu@yandex.ru

заведующий отделом библиотечных и архивных фондов

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

426067, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

SPIN-код: 4337-1615

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0260-0313>

Статья поступила в редакцию 21.09.2024

Одобрена после рецензирования 11.11.2024

Принята к публикации 11.12.2024

Информация для цитирования

Пантиухина Т. В. Морфология личных местоимений удмуртского языка в грамматике М. А. Мышкина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 69–77.
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-69-77. EDN ENRDRO

Аннотация. В статье рассматриваются оригинальные падежные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица, единственного и множественного числа, зафиксированные в труде Михаила Алексеева Мышкина «Краткой отяцкія грамматики опыть» (конец 1770-х гг.). В пределах небольшого языкового ареала (с. Укан и близлежащие деревни) были распространены три варианта инструменталия единственного числа, косвенные формы личных местоимений множественного числа образованы по «шаблону» коми языков – от основ генитива. В работе анализируются вопросы о причинах появления такого разнообразия падежных форм и о том, являются ли отгенитивные формы заимствованиями из близкородственных языков. В ходе исследования проводился морфологический и сравнительно-исторический анализ падежных форм, были привлечены примеры из коми-пермяцкого и коми-зырянского языков. Для выявления интенсивности межъязыковых контактов проводился анализ публикаций, посвященных изучению топонимов в частности и межэтнических контактов в целом. По результатам работы высказано предположение, что варианты инструменталия единственного числа: с суффиксами простого и притяжательного склонения и дублированным суффиксом – могли появиться в силу миграционных процессов внутри удмуртского этноса. Обнаружено, что отгенитивные падежные формы личных местоимений множественного числа не могут быть заимствованием, так как на данный момент исторические и лингвистические исследования не подтверждают существования настолько тесных и длительных контактов между носителями удмуртского и коми языков, чтобы могла заимствоваться такая консервативная часть грамматики, как падежные формы личных местоимений. Архаичные формы могут являться либо подтверждением идеи об ареальных и ареально-генетических связях между близкородственными народами, либо собственно удмуртским диалектным явлением, уходящим корнями в общепермский язык.

Ключевые слова: диалектные грамматические особенности; вариативность падежных форм; архаизмы; удмуртский язык.

Введение

«Краткой отяцкія Грамматики опыть» Михаила Алексеева Мышикина, священника Введенской церкви с. Укан Глазовского уезда Вятской провинции, является второй по счету грамматикой удмуртского языка, созданной в последней четверти XVIII в. Рукопись ждала своей публикации более двух столетий. Из-за ошибки в прочтении фамилии больше века авторство приписывали никогда не существовавшему священнику с. Укан Михаилу Могилину. Именно под данной фамилией в 1998 г. труд и вышел в свет. Лишь в 2015 г. историком В. С. Чураковым было возвращено истинное имя создателя грамматики и установлена более точная дата ее написания – конец 1770-х гг. вместо обозначенного в издании 1786 г. [Чураков 2015; 2016a].

В грамматике М. А. Мышикина отражены особенности речи северных удмуртов и частично бесермян. Говоры с. Укан и близлежащих населенных пунктов по современной классификации входят в состав ярского говора среднечепецкого диалекта северного наречия [Карпова 2020: 11] и ворцинского говора бесермянского наречия [Люкина 2016: 12]. Краткая характеристика диалектного своеобразия грамматики была представлена Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1965: 290–291], однако морфологические особенности касаются лишь глагольных суффиксов.

Целью статьи является анализ оригинальных вариативных форм личных местоимений с точки зрения структуры, который дает возможность реконструировать исчезнувшие системные связи. Новизна исследования обусловлена тем, что выдвинуты версии их возникновения и эволюции. Работа основана на морфологическом и сравнительно-историческом анализе падежных форм с привлечением материала современного удмуртского, коми-пермяцкого и коми-зырянского языков. Актуальность работы определяется относительно слабой изученностью диалектных грамматических особенностей в диахронии. Связано это с тем, что первые письменные памятники появились лишь в XVIII в. и зафиксировали, за некоторыми исключениями, современное состояние удмуртского языка. Именно эти исключения становятся ценным источником изучения языка в диахронии. Результаты исследования могут быть использованы при изучении исторической грамматики удмуртского и родственных пермских языков в плане становления падежной парадигмы личных местоимений.

Обсуждение

В главе «О склонении вмѣстоимѣній» М. А. Мышикиным обозначена система падежных форм двадцати местоимений удмуртского языка,

в числе которых можно выделить собственноличные, вопросительные, указательные, усиленно-личные (в обязательном сочетании с собственно-личными) и двупадежные формы на основе генитива, возникшие на основе эллипсиса, которые до сих пор принято считать притяжательными местоимениями [ГСУЯ 1962: 172–175]. Парадигмы состоят из пяти падежных форм: именительного, родительного, дательного, винительного, творительного. Падежи, не имеющие соответствий в русской грамматике, в данном труде отсутствуют.

У личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. отмечены следующие формы инструментала: а) с суффиксом -эн: *монэнъ* ‘мной’, *тонэнъ* ‘тобой’; б) с сочетанием притяжательного суффикса -эны- и личного суффикса: *тонэнъыдъ*¹ ‘тобой’; в) с удвоенным падежным суффиксом -энэн: *монэнъэнъ* ‘мной’. Первая форма для современных среднечепецкого диалекта и бесермянского наречия не характерна, в данном ареале распространены так называемые расширенные варианты *монэнъым* ‘мной’, *тонэнъыд* ‘тобой’. Параллельное употребление форм с личным суффиксом и без него отмечено лишь в нескольких населенных пунктах косинского говора нижнечепецкого диалекта [Карпова 2020: 247].

Инструменталь ед. ч. с дублированным падежным маркером для современного удмуртского языка уже является архаизмом, но данное явление было зафиксировано в переводах церковных текстов начала XIX в., подготовленных на североудмуртском диалекте [Безенова 2024: 15]. В дебесском говоре верхнечепецкого диалекта у инструментальных форм мн. ч. ‘встречаются предельно расширенные формы *mil'enijmъn* (*mil'-en-im-in*) ‘(с) нами’, *til'enidin* (*til'-en-id-in*) ‘(с) вами’, где инструментальные окончания употреблены дважды в двух вариантах” [Кельмаков 1998: 135]. Подобная грамматическая избыточность, вероятно, придавала статичность падежной форме в потоке речи. В тех случаях, когда говорящие интуитивно обеспокоены тем, что внутренняя форма слова стерлась, они пытаются ее усилить избыточными распространителями, в том числе редупликацией [Воейкова 2010: 11]. Двупадежность (в том числе и редупликация) являются типичным явлением для пермских языков. Так, в коми-пермяцких говорах в структуре указательных и вопросительных местоименных наречий также имеются удвоенные суффиксы, исторически восходящие к субстантивным падежным маркерам: *кытісісь* (лит. *кытісь*) ‘откуда’, *сэччинын* (лит. *сэтчин*) ‘там, вон там’, *татёнын* (лит. *татён*) ‘здесь, на этом месте’. “Наслоение второго падежного суффикса, очевидно, вызвано стремлением уточнить значение

места действия” [Баталова 1975: 196–197]. Плеонастическое сочетание суффиксов наблюдается и в коми-зырянском языке: зафиксировано маркирование генитивных форм личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч., а также дативных форм личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. соответственно суффиксами генитива и датива существительных. Данное явление обусловлено влиянием системы субстантивного словоизменения на местоименную [Некрасова 2023: 76]. Распространение вариативных форм в пределах одного говора может быть результатом миграционных процессов XVII–XVIII вв. внутри удмуртского этноса (см. подробнее: [Карпова 2020: 52–57]).

Особый интерес вызывают косвенные формы личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч., отличающиеся от бытующих на сегодняшний день в диалектах и литературном языке. Аккузатив, инструменталь личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч., вторично маркированный датив 1-го л. мн. ч. образованы от генитивной основы *мил'ам-* / *тил'ад-* (выделение курсивом и полужирным шрифтом – наше):

В. *милямэ́зъ* нась / *тилядъ*, *Тилядэ́зъ* вась;

Т. *милямéнь* нами / *тилядёнъ* вами;

Д. *милямлы* намъ (параллельно с *милёмъ* намъ) (Мышкин, 76–77).

В ярском говоре среднечепецкого диалекта [Карпова 2020: 513–515] и бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 184] употребляются общераспространенные падежные формы на дативной основе: акк. *мил'эмэс*, *мил'эмэсты* ‘нас’ / *тил'эдэс*, *тил'эдэсты* ‘вас’; инстр.: *мил'эмэн*, *мил'эмын* (*мил'энъм*), ‘нами’ / *тил'эдэн*, *тил'эдын* (*тил'эдън*) ‘вами’. Датив употребляется в своей первичной (краткой) форме – без суффикса *-лы*. Остаточным явлением, видимо, служит форма аккузатива *мил'амисты* ‘нас’, зафиксированная Л. Л. Карповой в дд. Ключи, Новый Унтем кезского говора верхнечепецкого диалекта: генитивная основа, к которой присоединяется стандартный североудмуртский суффикс *-ты*, осложнена суффиксом мн. ч. [Карпова 2020: 245].

Допустил ли М. А. Мышкин неточности при записи падежных форм или исследователь засвидетельствовал функционирование дублирующих друг друга видов склонения местоимений (от основ генитива и датива), одно из которых впоследствии утратилось? «Краткой отяцкія грамматики опытъ» был скрупулезно изучен лингвистом Т. И. Тепляшиной. Она отмечает в этой работе некоторые неточности передачи лишь специфических звуков удмуртского языка [Тепляшина 1965: 237–240]. Вряд ли М. А. Мышкин мог спутать друг с другом знакомые ему гласные фонемы, столь различные по артикуляционным характеристикам. Кроме того, у местоиме-

ния 1-го л. мн. ч. указаны две формы дательного падежа: “*милямлы* или *милемъ*” (Мышкин: 63), в склонении сочетания личного местоимения с усильтельно-личным 1-го л. мн. ч. *ми ацимэзъ*² ‘мы сами’ также даны отгенитивные формы (Мышкин: 65). Автор грамматики разграничил падежные формы личного местоимения 1-го л. мн. ч. от форм так называемого притяжательного местоимения *милямъ* ‘нашъ, наша, наше’: в дательном и творительном падеже основу и суффикс разделяет буквой *ер* (ъ): *милямъль* нашему, *милямъёнъ* нашимъ (Мышкин, 67). Исходя из этого, можно с большой долей вероятности утверждать, что М. А. Мышкин зафиксировал параллельно бытовавшие в уканском говоре падежные формы. Постепенно отгенитивные образования были заменены на более распространенные формы. Так, в рукописи З. Г. Кротова «Отяцкая грамматика для обучения малолетних юношей равно же и взрослых знать отяцкой язык желающих, сочиненная Вятской епархии Глазовской округи села Еловского Троицкой церкви заштатным иереем Захариею Кротовым. 1816-го года июля 21-го дня», в основе которого лежит грамматика М. А. Мышкина (подробнее: [Чураков 2016]), представлена всего лишь одна отгенитивная форма – в сочетании с усильтельно-личным местоимением в творительном падеже: *тиляденъ асладэнъ* ‘вами самими’ [РНБ. Отдел рукописей. Ф. 573. Оп. 1. Д. СПбДА 330. Л. 32об.].

Особенность склонения личных местоимений множественного числа на основе генитива характерна для всех диалектов коми языка [Федюнова 2008: 53]: акк. *мийанёс* ‘нас’, инстр. *мийанён* ‘нами’, дат. *мийанлö* ‘нам’, но она абсолютно не свойственна современному удмуртскому языку, в котором формы аккузатива, инструментала, вторично маркированного датива повсеместно образованы от основы, формально совпадающей с формой датива *мил'эм-*, *тил'эд-* [Bartens 2000: 153]. Словоформы из грамматики М. А. Мышкина представляют собой некий симбиоз коми и удмуртского местоименного формообразования: по шаблону коми языка (от генитива), но от удмуртской основы, осложненной формантом *л'*.

Можно ли рассматривать их в качестве заимствований из коми языка, своеобразной полукалькой? Думаем, что нет. Личные местоимения являются довольно закрытой системой, и заимствование какой-либо падежной формы должно быть обусловлено длительными и интенсивными связями. Например, диалекты коми-пермяцкого языка в течение нескольких веков находятся в тесном контакте с окружающими русскими говорами и испытывают сильное языковое воздействие. Тем не менее в самом обруссевшем верхне-

камском наречии лишь в склонении местоимения 3-го л. ед. ч. имеются заимствованные из русского языка формы аккузатива *эвö / йэвö* ‘его, ее’, как вариант встречается инструментальная форма *эвöн* ‘им, ею’. В верхнесысольском диалекте *йэвö* выступает в качестве основы падежного словоизменения. Форм 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. изменения не коснулись [Сажина 2019: 154]. В современных удмуртских диалектах ни одна форма личных местоимений не была заменена заимствованной.

В исследованиях по вопросам историко-культурных контактов, расселении древних пермян (коми), формировании коми диалектов отсутствуют указания на какие-либо прочные взаимоотношения с удмуртами [Баталова 1975; Жеребцов 1982; Сажина 2014; Baker 1985]. Удмуртский исследователь С. А. Максимов предполагает, что окончательные связи между пермскими народами прекратились только в начале XX в. Процесс территориального разобщения между южными коми-зырянами и северными удмуртами начался лишь в XV–XVII вв. в связи с постепенным заселением русских переселенцев [Максимов 2018: 39]. Тем самым лингвист подразумевает наличие некоторого количества лексических, семантических, морфологических заимствований из коми языка в удмуртский, прежде всего североудмуртские диалекты. Но подобное осовременивание, приближение времени разобщения коми и удмуртов к современности подвергается заслуженной критике коми лингвистов [Цыпанов 2014: 26]. Прояснить ситуацию могли бы данные топонимии, но, к сожалению, коми топонимы на территории проживания удмуртов остаются практически не изученными³. Имеющиеся работы малы по объему и количеству примеров, поэтому нет возможности с уверенностью говорить о существовании многочисленных, долговременных связей либо ассимиляции коми населения в удмуртской среде [Корольских 2011; Тепляшина 1977]. В связи с этим мы сомневаемся, что отгенитивные падежные формы личных местоимений могут быть заимствованиями либо проявлениями суперстрата.

В. К. Кельмаков исследовал общие фонетические и морфологические явления в современных языках пермской группы и пришел к выводу, что в их основе лежали общепермские языковые реалии, далее одни процессы шли параллельно для каждого языка [Кельмаков 2005: 32], другие же в удмуртском и коми-пермяцком языках (либо в части диалектов) продолжались в едином направлении и приводили к одинаковым результатам [там же: 26, 68, 83]. Во втором случае межъязыковые соответствия «свидетельствуют о

существовании в прошлом некоего удмуртско-южнокоми языкового ареала, который своеобразно “направлял” развитие специфических особенностей языков и диалектов, его составляющих» [там же: 68].

Выводы, сделанные В. К. Кельмаковым, перекликаются с ареально-генетической теорией Е. А. Хелимского. Материал уральских языков свидетельствует о том, что чисто генетическим связям, обусловленным последовательностью дроблений, сопутствует цепочка ареально-генетических связей, в том числе коми-североудмуртских, южнокоми-удмуртских [Хелимский 1979: 114]. Наблюдаемая аналогия специфичных падежных форм одного из североудмуртских говоров с общими для коми языка падежными формами, таким образом, можно объяснить длительным процессом распада пермской языковой общности, когда крайние диалекты прайзыка имели уже кардинальные различия, а срединные сочетали в себе их особенности. Впоследствии коми-удмуртская языковая граница прошла уже по неоднородной диалектной области распространения пермского прайзыка. Некоторые говоры, близкие к крайним удмуртским говорам, оказались в среде коми языка, и наоборот. «Связи между прайзыковыми диалектами, занимавшими смежные ареалы, можно назвать ареально-генетическими. Они обуславливали возникновение параллелей, имеющих генетический характер (восходящих к одному прайзыковому источнику), но распространявшихся лишь на определенный ареал прайзыковых диалектов» [Хелимский 1982: 24–25].

Также не исключено, что перед нами случай собственного удмуртского формообразования. Возникновение падежной парадигмы личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. на основе притяжательного падежа является общей тенденцией пермских языков. Генитив первоначально имеет значение обладания чем-либо. Но и семантика датива, по утверждению Г. В. Федуневой, также была близка к значению притяжательности: «личное местоимение в дативе, по существу, является притяжательным: дать, направить, предоставить и т. д. *мне* = сделать *моим*» [Федунева 2008: 39]. Поэтому выбор формы дательного падежа как основы для падежной парадигмы в удмуртском языке не является чем-то неординарным. В ходе языковых исследий для ранних падежных форм личных местоимений мн. ч. в коми языках закрепилась генитивная основа, в удмуртском – дативная. Однако в части удмуртских говоров падежные формы также могли быть образованы от основы генитива. Впоследствии данные формы под влиянием окружающих «дативных» говоров вытеснились из речи.

Согласно венгерскому лингвисту Ш. Чучу, на базе раннепермской дативно-генитивной падежной формы в позднепермский период в результате редукции прaperмского *ä основы личных местоимений образовались двойные формы: **tiemj* ~ **miamj*, **tiedj* ~ **tiadj*. В параллельных формах позже возникло функциональное разделение; формы с нижнерядным *a* (по аналогии с 1-м и 2-м л. ед. ч.) стали использоваться в значении родительного падежа [Csúcs 2005: 232]. Семантическая дифференциация генитива и датива в говорах праязыка шла неравномерно. Об этом свидетельствует распространение генитивных форм функции дательного падежа в вымском, ижемском, нижневычегодском, удорском диалектах коми-зырянского языка [Попова 2012: 70]. Подобное же явление могло быть и в некоторых североудмуртских говорах.

Выводы

Проведенный анализ позволяет заключить следующее.

1. В труде Михаила Алексеева Мышкина «Краткой отяцкія грамматики опыть» зафиксированы морфологические архаизмы.

2. Вариативная система падежного склонения личных местоимений могла возникнуть в связи с миграцией различных родовых групп удмуртов. В уканском говоре могли существовать несколько вариантов падежных форм, один из которых впоследствии стал преобладающим.

3. Отгенитивные падежные формы могут свидетельствовать о длительности дивергенции пермского праязыка. Они же могут быть и явлением собственно удмуртского языка, поскольку семантическое и морфологическое разделение генитива и датива произошло в позднепермский период и, судя по данным коми диалектов, шло неравномерно, оба падежа могли стать основой для части косвенных падежей.

Рассмотренная в работе проблема требует дальнейшего изучения с привлечением других памятников письменности удмуртского языка и данных диалектов пермских языков.

Примечания

¹ У местоимения 1-го л. ед. ч. форма монэным ‘мною’ автором грамматики не зафиксирована.

² Однако в склонении местоимений 2-го л. мн. ч. *ти ацидесъ* ‘вы сами’ зафиксированы типичные удмуртские формы. Вероятно, данный факт может указывать на активный процесс замещения генитивной падежной основы дативной.

³ В свою очередь, удмуртские топонимы в верхнем Прикамье были изучены А. С. Кривощековой-Гантман. На смежных территориях Удмуртии и Пермской области (совр. – края) ис-

следователь отмечает наличие топонимов удмуртского происхождения и объясняет их появление миграцией населения средней и нижней Камы, севера Удмуртии в верхнее Прикамье в разное время и по различным причинам [Кривощекова-Гантман 1973: 38–41].

Список литературы

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

Безенова М. П. Фонетико-морфологические особенности рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 8–20. doi 10.15507/2076-2577.016.2024.01.8-20

Воейкова М. Д. Избыточность в системе языка и разные формы ее проявления // Избыточность в грамматическом строении языка. АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН. Т. VI. Ч. 2. СПб.: Наука, 2010. С. 9–21.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск: Удм. книж. изд-во, 1962. 376 с.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (Х – начало XX в.). М.: Наука, 1982. 224 с.

Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Кельмаков В. К. Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкоznания // Труды Ин-та языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 2. Пермь, 2005. 182 с.

Корольских П. В. Пермская топонимия в условиях языкового ареального пограничья // Динамика структур финно-угорских языков. Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2011. С. 132–138.

Кривощекова-Гантман А. С. Откуда эти названия? Пермь: Перм. книж. изд-во, 1973. 109 с.

Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2016. 200 с.

Максимов С. А. Североудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология: монография. Ижевск: Шелест, 2018. 336 с.

Мышкин М. А. (Могилин М.) Краткой отяцкія грамматики опыть = Опыт краткой удмуртской грамматики. Ижевск, 1998. 203 с.

Некрасова Г. А. Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар, 2023. 516 с. (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН)

Попова Р. П. Коми диалектология. Часть 2. Морфология: учеб. пособие. Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2012. 151 с.

Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Ф. 573. Оп. 1. Д. СПБДА 330 = Кротов З. Г. Отяцкая грамматика для обучения малолетних юношей равно же и взрослых знать отяцкой язык желающих, сочиненная Вятской епархии Глазовской округи села Еловского Троицкой церкви заштатным иереем Захариею Кротовым. 1816-го года июля 21-го дня.

Сажина С. А. Исторические условия формирования коми-зырянских диалектов // Пути развития пермских языков: история и современность. Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 73. Сыктывкар, 2014. С. 39–51.

Сажина С. А. Местоимение в языке кировских пермяков // Актуальные вопросы коми и пермского языкоznания. Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77. Сыктывкар, 2019. С. 152–175.

Тепляшина Т. И. К ареальным явлениям пермских языков // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР. Ужгород, 1977. С. 71–72.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века. М., 1965. 324 с.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

Федюнова Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 428 с.

Хелимский Е. А. Ареальные связи доугорских и досамодийских диалектов уральского праязыка // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979. С. 114.

Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М.: Наука, 1982. 164 с.

Цыпанов Е. А. Дивергенция финно-угорского и пермского праязыков в свете последних теоретических и источниковедческих подходов // Пути развития пермских языков: история и современность. Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 73. Сыктывкар, 2014. С. 8–38.

Чураков В. С. Об авторе и времени создания «Краткой отяцкой грамматики опыта» // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2015. № 3 (28). С. 56–63.

Чураков В. С. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяцкой грамматики опыта» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016а. Т. 10, № 3. С. 184–196.

Чураков В. С. Памятники письменности удмуртского языка начала XIX в. (Речь по случаю коронации Александра I (1801) и удмуртская грамматика З. Г. Кротова (1816)) // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия: сб. ст. по материалам докладов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2016б. С. 373–378.

Baker R. The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985. 226 p.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys // Mémoires de la Sosiété Fenno-ougrienne. Helsinki, 2000. 376 p.

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 405 p.

References

Batalova R. M. *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 252 p. (In Russ.)

Bezenova M. P. Fonetiko-morfologicheskie особенности рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык [Phonetic and morphological characteristics of handwritten translation of the Gospel of Luke into the Udmurt language]. *Finnougarskiy mir* [Finno-Ugric World], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 8-20. (In Russ.)

Voeykova M. D. Izbytochnost' v sisteme yazyka i raznye formy ee proyavleniya [Redundancy in the language system and different forms of its manifestation]. *Izbytochnost' v grammaticeskem stroye yazyka. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Redundancy in the grammatical structure of the language. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. VI, pt. 2, pp. 9-21. (In Russ.)

GSUYa 1962 – *Grammatika sovremennoogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Modern Udmurt Language]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1962. 376 p. (In Russ.)

Zherebtsov L. N. *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami (X – nachalo XX v.)* [Historical-Cultural Relations of the Komi with Neighboring Peoples (the 10th – early 20th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 224 p. (In Russ.)

Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Dialects of the Northern Variant of the Udmurt Language: The Formation and Current State]. Izhevsk, MarSHak Publ., 2020. 563 p. (In Russ.)

Kel'makov V. K. *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A Short Course in Udmurt Dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect Texts. Bibliography]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 1998. 386 p. (In Russ.)

Kel'makov V. K. Nekotorye problemy komipermyatskogo i permeskogo yazykoznanija [Some problems of Komi-Permyak and Perm linguistics]. *Trudy Instituta yazyka, istorii i traditsionnoy kul'tury komi-permyatskogo naroda* [Works of the Institute of Language, History and Traditional Culture of the Komi-Permyak People]. Perm, 2005, issue 2. 182 p. (In Russ.)

Korol'skikh P. V. Permskaya toponimiya v usloviyakh yazykovogo areal'nogo pogranich'ya [Perm toponymy in the conditions of the linguistic areal borderland]. *Dinamika struktur finno-ugorskikh yazykov* [Dynamics of the Structures of the Finno-Ugric Languages]. Syktyvkar, Izdatel'stvo 'Kola' Publ., 2011, pp. 132-138. (In Russ.)

Krivoshechekova-Gantman A. S. *Otkuda eti nazvaniya?* [Where do these names come from?]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1973. 109 p. (In Russ.)

Lyukina N. M. *Fonetiko-morfologicheskie oso-bennosti yazyka leminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and Morphological Features of the Language of the Lekmin and Yundin Besermyans]. Izhevsk, 2016. 200 p. (In Russ.)

Maksimov S. A. *Severnoudmursko-komi areal'nye yazykovye paralleli: leksika, fonetika, morfologiya* [Northern Udmurt-Komi Areal Linguistic Parallels: Vocabulary, Phonetics, Morphology]: a monograph. Izhevsk, Shelest Publ., 2018. 336 p. (In Russ.)

Myshkin M. A. (Mogilin M.) *Kratkoy otyatskiya grammatiki opyt* = *Opty kratkoy udmurtskoy grammatiki* [An Experience of Brief Otyatskaya (Udmurt) Grammar]. Izhevsk, 1998. 203 p. (In Russ.)

Nekrasova G. A. *Kategorija padezha imeni sushchestvitel'nogo v permeskikh yazykakh* [The Category of the Noun Case in the Permian Languages]. Syktyvkar, 2023. 516 p. (In Russ.)

Popova R. P. *Komi dialektologiya. Chast' 2. Morfologiya* [Komi Dialectology. Pt. 2. Morphology]: a study guide. Syktyvkar, Syktyvkar State University Press, 2012. 151 p. (In Russ.)

The Russian National Library (RNB). Department of Manuscripts. Fund 573. Inventory 1. File SPbDA 330 = Krotov Z. G. Otyatskaya grammatika

dlya obucheniya maloletnykh yunoshey ravno zhe i vzroslykh znat' otyatskoy yazyk zhelayushchikh, sochinennaya Vyatskoy eparkhii Glazovskoy okrugi sela Elovskogo Troitskoy tserkvi zashtatnym iereem Zakhariyu Krotovym. 1816-go goda iyulya 21-go dnya [The Otyatskaya (Udmurt) grammar for teaching young boys as well as adults who wish to know the Otyatsky language, composed by Zakhary Krotov, a minor priest at the Trinity Church, the village of Yelovskoye of the Glazovskaya district of the Vyatka diocese. 1816, 21 July]. (In Russ.)

Sazhina S. A. Istoricheskie usloviya formirovaniya komi-zyryanskikh dialektov [Historical conditions for the formation of Komi-Zyryan dialects]. *Puti razvitiya permeskikh yazykov: istoriya i sovremennost'*. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN [The Ways of Development of the Permian Languages: History and Modernity. Works of the Institute of Language, Literature and History of the Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Syktyvkar, 2014, issue 73, pp. 39-51. (In Russ.)

Sazhina S. A. Mestoimenie v yazyke kirovskikh permyakov [A pronoun in the language of the Kirov Permyaks]. *Aktual'nye voprosy komi i permeskogo yazykoznanija*. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN. [Topical Issues of Komi and Perm Linguistics. Works of the Institute of Language, Literature and History of the Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Syktyvkar, 2019, issue 77, pp. 152-175. (In Russ.)

Teplyashina T. I. K areal'nym yavleniyam permeskikh yazykov [On the areal phenomena of the Permian languages]. *Issledovanie finno-ugorskikh yazykov i literatur v ikh vzaimosvyazyakh s yazykami i literaturami narodov SSSR* [The Study of Finno-Ugric Languages and Literatures in Their Interrelationships with the Languages and Literatures of the Peoples of the USSR]. Uzhgorod, 1977, pp. 71-72. (In Russ.)

Teplyashina T. I. *Pamyatniki udmurtskoy pis'mennosti XVIII veka* [Monuments of the Udmurt Writing of the 18th Century]. Moscow, 1965. 324 p. (In Russ.)

Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [The Language of the Besermyans]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 288 p. (In Russ.)

Fedyuneva G. V. *Pervichnye mestoimeniya v permeskikh yazykakh* [Primary Pronouns in the Permian Languages]. Yekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 428 p. (In Russ.)

Khelimskiy E. A. Areal'nye svyazi dougorskikh i dosamodiyiskikh dialektov ural'skogo prayazyka [Areal connections of the pre-Ugrian and pre-Samoyedic dialects of the Uralic proto-language].

Voprosy finno-ugrovedeniya [Issues of Finno-Ugric Studies]. Syktyvkar, 1979, p. 114. (In Russ.)

Khelimskiy E. A. Drevneyshie vengersko-samodiyiskie yazykovye paralleli (Lingvisticheskaya i etnogeneticheskaya interpretatsiya) [The Oldest Hungarian-Samoan Linguistic Parallels (Linguistic and Ethnogenetic Interpretation)]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 164 p. (In Russ.)

Tsypanov E. A. Divergentsiya finno-ugorskogo i permeskogo prayazykov v svete poslednikh teoreticheskikh i istochnikovedcheskikh podkhodov [The divergence of the Finno-Ugric and Permic protolanguages in the light of recent theoretical and source-based approaches]. Puti razvitiya permeskikh yazykov: istoriya i sovremennost'. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs Uro RAN [The Ways of Development of the Permic Languages: History and Modernity. Works of the Institute of Language, Literature and History of the Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Syktyvkar, 2014, issue 73, pp. 8-38. (In Russ.)

Churakov V. S. Ob avtore i vremeni sozdaniya 'Kratkoy otyatskoy grammatiki opyta' [About the author and the time of creation of 'An Experience of Brief Otyatskaya (Udmurt) Grammar']. Idnakar: metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii [Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction], 2015, issue 3 (28), pp. 56-63. (In Russ.)

Churakov V. S. Avtorstvo, datirovka i istoriya rukopisi 'Kratkoy otyatskoy grammatiki opyta' [Authorship, dating and history of the manuscript

'Kratkoy Otyatskoy Grammatiki Opyst' ('An Experience of Brief Otyatskaya (Udmurt) Grammar']. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016a, vol. 10, issue 3, pp. 184-196. (In Russ.)

Churakov V. S. Pamyatniki pis'mennosti udmurtskogo yazyka nachala XIX v. (Rech' po sluchayu koronatsii Aleksandra I (1801) i udmurtskaya grammatika Z. G. Krotova (1816)) [Monuments of writing of the Udmurt language of the beginning of the 19th century (The speech on the occasion of the coronation of Alexander I (1801) and the Udmurt grammar by Z. G. Krotov (1816))]. Polietnichnyy mir Evrazii: problemy vzaimovospriyatiya [The Multiethnic World of Eurasia: Problems of Mutual Perception]: a collection of articles based on the reports delivered at the All-Russian Scientific Conference with international participation. Izhevsk, 2016b, pp. 373-378. (In Russ.)

Baker R. *The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation*. Helsinki, 1985. 226 p. (In Eng.)

Bartens R. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Mémoires de la Société Fennou-ougrienne* [The Structure and Evolution of the Permic Languages. Memories of the Finno-Ugric Society]. Helsinki, 2000. 376 p. (In Fin.)

Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache* [The Reconstruction of the Permic Basic Language]. Budapest, Akadémiai Kiadó, 2005. 405 p. (In Germ.)

Morphology of Personal Pronouns of the Udmurt Language in M. A. Myshkin's Grammar

Tatyana V. Pantyukhina

Research Degree Aplicant at the Department of General and Finno-Ugric Linguistics

Udmurt State University

1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Izhevsk, Russia. tatyana.tudvu@yandex.ru

Head of the Department of Library and Archival Collections

Udmurt Institute of History, Language and Literature at the Udmurt Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

4, Lomonosova st., Izhevsk, 426067, Russia

SPIN-code: 4337-1615

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0260-0313>

Submitted 21 Sep 2024

Revised 11 Nov 2024

Accepted 11 Dec 2024

For citation

Pantyukhina T. V. Morfologiya lichnykh mestoiimeniy udmurtskogo yazyka v grammatike M. A. Myshkina [Morphology of Personal Pronouns of the Udmurt Language in M. A. Myshkin's Grammar]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 69–77. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-69-77. EDN ENRDRO (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the unusual case forms of first-person and second-person personal pronouns, singular and plural, presented in the work by Mikhail Myshkin *An Experience of Brief Otyatskaya Grammar* (late 1770s). The handwritten grammar book is a valuable source for studying the morphology of pronouns in the historical and areal aspect since it indicates the exact place where the presented linguistic material was found – Ukan village of Glazovsky district (currently Ukan village of Yarsky district of the Udmurt Republic) and nearby settlements. Within a small linguistic area, there were used three variants of the instrumental case; indirect forms of plural personal pronouns were formed on the basis of the genitive, they are structurally similar to the forms of pronouns of the Komi languages and differ from modern Udmurt forms. The paper analyzes the reasons for the stated range of case forms to appear within a small area and attempts to find out whether the forms derived from the genitive are borrowings from closely related languages. In the course of the study, morphological and comparative historical analyses of case forms were carried out, examples from the Komi-Permyak and Komi-Zyryan languages were used. In order to identify the intensity of interlanguage contacts, the author preformed an analysis of publications on interethnic contacts, including studies on the spread of Komi and Udmurt toponyms in possible cross-territories of related peoples. The author makes an assumption that variants of the instrumental case – with simple and possessive declension suffixes and a duplicated suffix – could appear due to migration processes within the Udmurt ethnic group. The study has found that the case forms of plural personal pronouns derived from the genitive cannot be borrowed since there are currently no historical and linguistic studies confirming the existence of contacts between speakers of the Udmurt and Komi languages that were close enough and lasted for a sufficiently long period for such a conservative part of morphology as case forms of personal pronouns to be borrowed. The archaisms recorded by M. A. Myshkin can either be a confirmation of the hypothesis on areal and areal-genetic connections between closely related peoples or an Udmurt dialect phenomenon, rooted in the common Permic language.

Key words: dialect grammatical features; variability of case forms; archaisms; Udmurt language.